

Что такое «Тописка» Аристотеля?

З. Н. МИКЕЛАДЗЕ (Тбилиси)

Утверждение, что начала аподиктических наук, таких, например, как арифметика и геометрия, не доказуемы (то, что начала существуют, необходимо принять, прочее следует доказать) ^{1*}, есть простое следствие Аристотелева определения понятия аподиктической науки ². Естественно возникает проблема: «Каким образом начала становятся известными?» ^{3**}. Она сформулирована Стагиритом в самом конце «Второй аналитики», излагающей изобретенную им методологию аподиктических наук. Конечно, ничто не мешает трактовать эту проблему как психологическую, или как теоретико-познавательную, или же как онтологическую. Но в каждом из этих случаев она окажется сведенной к проблеме очевидности и достоверности начал. Последняя во всех трех трактовках хорошо известна Аристотелю и рассматривается им в терминах знаменитого учения об уме ⁴. Послеаристотелевская психология познания и философия науки именно в форме проблемы очевидности и достоверности унаследовали от Стагирита проблему схватывания ⁵ начал и сформулировали ее так: то, что начала очевидны, принимается в качестве эмпирического или идеального факта и изыскиваются психологические (соответственно — теоретико-познавательные, соответственно — онтологические) условия возможности очевидного знания, то есть исследуется вопрос: как возможно очевидное знание?

Между тем у Аристотеля мы находим отличную от упомянутых трактовку этой проблемы, а именно как проблемы о методе, как методологической проблемы: каков «метод исследования, прокладывающий путь к началам?» ⁶.

Требуется, значит, охарактеризовать некий метод исследования. Но для этого сам метод, очевидно, уже должен как-то «существовать» в том примерно смысле существования, в каком дедуктивный метод существует в дедуктивных науках. В противном случае методологический подход оказался бы беспредметным. Однако не среди методов наук следует искать метод, ведущий к началам, ибо, поскольку «для начал нет доказательств» ⁷, «а всякая наука опирается на доводы, то не может быть науки о началах» ⁸. Кроме того, когда отсутствует очевидность (отказывает умозрение), тогда противоречащие друг другу мнения кажутся одинаково правдоподобными и «доводы для обоих» ⁹ членов противоречия представляются одинаково убедительными. Поэтому метод, ведущий к началам, как бы и где бы он ни существовал, должен быть методом обсуждения равновероятных альтернативных вопросов, допускающих «возможность двойного решения» ¹⁰. Применение метода, ведущего к началам, к альтернативному вопросу с равновероятными альтернативами, очевидно, состоит в некотором рассу-
ж-

* Список цитируемой литературы дан в конце статьи.

** Здесь и далее разрядка моя.— З. М.

денни, притязаящем на то, что оно убеждает в правдоподобности какого-либо (все равно, принятого или отклоненного) члена противоречия из обсуждаемого вопроса. А так как «способ убеждения есть некоторого рода доказательство»¹¹, то и применение метода, ведущего к началам, есть применение некоторого рода доказательств, которые, конечно, следует строго отличать от доказательств, применяемых в аподиктических науках. Вторые исходят «из необходимых начал»¹² и используются для отыскивания необходимого; первые же исходят из правдоподобного и используются для «отыскивания правдоподобного»¹³. Проблему «**каким образом постигается и становится известным суть?**», то есть начало, Стагирит трансформирует в диалог: «О сути хотя и нет ни силлогизма, ни доказательства, но тем не менее она становится очевидной посредством силлогизма и доказательства. Таким образом, с одной стороны, без доказательства нельзя познать суть того, причина чего есть нечто другое, а с другой — для нее нет доказательства»¹⁴. Диалог эту решает он как раз посредством различения двух родов доказательств и соответственно различения двух фундаментальных методов: «Мы не должны упускать из виду различие методов — идущего от принципов и идущего к принципам»¹⁵.

Не будучи методом науки, но способом обсуждения альтернативных вопросов с равновероятными альтернативами, метод исследования, прокладывающий путь к началам, может быть только искусством. Искусство это изобрел Платон, определил его как искусство «ставить вопросы и давать ответы»¹⁶, создал идеально подогнанную к нему литературную форму — ученый диалог и назвал это искусство диалектикой. «Диалектическое искусство», «искусство ставить наводящие вопросы»¹⁷, по мнению Аристотеля, «очевидно, полезно для трех целей: для упражнения, для устных бесед, для философских знаний»... но оно «полезно еще для (познания) первых (начал) всякой науки» и «поэтому их (начала.—З. М.) необходимо разбирать на основании правдоподобных положений в каждом отдельном случае, а это и есть (задача), свойственная диалектике или наиболее близкая ей. Ибо, будучи способом исследования, она прокладывает путь к началам всех учений»¹⁸. Стало быть, платоновский ученый диалог можно рассматривать как специальную форму данности диалектического искусства, как особый модус существования метода, ведущего к началам.

Известно, что Аристотель искусно владел техникой составления ученых диалогов; в бытность его в платоновской Академии он сочинил ряд диалогов, но сохранились они лишь в виде фрагментов. Тем временем его начинает занимать сам метод диалогических обсуждений, само искусство ставить вопросы и давать ответы. Было бы естественно, если б в этой связи он принялся анализировать образцы этого искусства — платоновские диалоги. По всему видно, что он так и поступил. И именно результатом этих исследований представляется нам «Топика». Если наша догадка верна, то «Топику» следует рассматривать как сочинение, в котором излагается методология искусства ставить вопросы и давать ответы, методология диалогического искусства, методология диалогики***. Допуская вольность речи, можно сказать, что предмет методологических изысканий в «Топике» составляют сами ученые диалоги Платона, изображающие «диалектические беседы, в которых рассуждают не ради спора, а ради»... «исследования»¹⁹.

Строение платоновского диалога. Любой диалог можно разбить на поддиалоги. При этом целесообразно считать сам диалог (несобст-

*** По вполне понятным соображениям мы рискнули ввести термины «диалогика», «диалогический» вместо терминов «диалектика», «диалектический».

венным) поддиалогом самого себя. Но поскольку каждый поддиалог отвечает некоторой проблеме, любой диалог можно мыслить как совокупность проблем, упорядоченных определенным способом****. Этот способ упорядочения можно описать следующим образом: пусть задана некоторая проблема: может случиться (и в большей мере так и случается), что до того, как мы будем в состоянии обсудить ее, нам придется обсудить ряд других проблем; до того же, как мы будем в состоянии обсудить последние, нам придется обсудить новый ряд проблем по меньшей мере для некоторых из предыдущего ряда... Этот разветвленный процесс продолжается до тех пор, пока мы не достигнем проблем, для обсуждения которых уже не потребуются привлечение других проблем****; назовем их элементарными проблемами. Очевидно, что поддиалоги данного диалога упорядочены в точном соответствии с упорядочением проблем, которым они отвечают; причем каждой элементарной проблеме отвечает поддиалог, никакая правильная часть которого уже не есть поддиалог; назовем их элементарными диалогами. Отношение порядка, выражаемое фразой «до того, как мы будем в состоянии обсудить данную проблему (эротему, вопрос), нам придется обсудить определенную совокупность проблем», есть отношение между некоторой проблемой и некоторой совокупностью проблем. Приведем типичный аристотелевский пример: «если ставится вопрос»²¹, «изучает ли одна и та же наука противолежащие друг другу (вещи)», «то следует рассмотреть, изучает ли одна и та же наука соотнесенные между собой, противоположные друг другу и противолежащие друг другу по лишенности и обладанию и по противоречию (следует, стало быть, рассмотреть четыре проблемы.— З. М.). И если по ним еще не ясно, изучает ли одна и та же наука противолежащие друг другу (вещи), то следует их снова делить до далее неделимого»²²— «делить до тех пор, пока их можно делить»²³, «например, рассмотреть, изучает ли одна и та же наука справедливость и несправедливость, или двойное и половинное, или бытие и небытие»²⁴, или «благо и зло, белое и черное, холодное и теплое»²⁵. Если всмотреться в форму этого отрывка, которую организуют подчеркнутые нами фразы, становится как будто очевидным, что Стагирит считал отношение между проблемой и совокупностью проблем, передаваемое оборотом «если ставится проблема..., то следует рассмотреть проблемы...», одним из видов отношения логического следования, именуемым ныне «отношением эротетического следования». Таким образом, совокупность проблем, обсуждаемых в данном диалоге, упорядочена отношением эротетического следования, причем этот порядок на совокупности проблем однозначно определяет порядок на совокупности поддиалогов того же диалога. Поэтому проблему, которой отвечает данный поддиалог, следует считать одним из основных компонентов последнего; назовем ее его главной проблемой. Легко видеть, что все проблемы, обсуждаемые в данном поддиалоге, эротетически следуют из его главной проблемы.

Аристотель различает несколько типов отношения эротетического следования в зависимости от типа вопросов, рассматриваемых как находящиеся в этом отношении; причем он различает по меньшей мере четыре типа вопросов²⁶: 1) «что такое то-то и то-то?», 2) «кто есть такой-то и такой-то?», 3) «в скольких значениях говорится о том-то и том-то?» и 4) «обстоит ли дело так-то и так-то или нет?». Вопросы первого типа можно назвать дефиниционными, а следующих двух ти-

**** «Тот, кто собирается задавать вопросы, «должен»... «установить их порядок». «Установить, в каком порядке»... «задавать вопросы,— это задача одного лишь диалектика».

***** Этот процесс, конечно, может оборваться, например, «потому, что некоторые проблемы таковы, что у нас нет о них определенного мнения — ни за, ни против».

пов — пояснительными в том смысле, что ответы на первые суть определения, ответы же на вторые — пояснения. Вопросы четвертого типа Аристотель определяет как «вопросы, на которые можно отвечать да или нет», и называет их «диалектическими»²⁷. Нетрудно догадаться, что вышеупомянутые альтернативные вопросы относятся к диалектическим вопросам.

Выше мы уже ознакомились с примерами эротетического следования для случая, когда находящиеся в таком отношении проблемы — диалектические. Теперь приведем примеры для случая, когда некоторая диалектическая проблема вынуждает нас к рассмотрению определенной совокупности проблем дефиниционных, или пояснительных: «если ставится вопрос, можно ли поступать несправедливо по отношению к богу, то следует выяснить, что такое поступать несправедливо»²⁸, «если ставится вопрос, может ли хороший человек быть завистливым, то следует выяснить, кто завистлив и что такое зависть»²⁹, «если ставится вопрос, завистлив ли негодующий человек, то следует выяснить, кто такой каждый из них»³⁰.

Кроме того, Аристотель делит проблемы по отношению к данному диалогу на «самостоятельные» и «вспомогательные»³¹ на том основании, что «некоторые проблемы сами по себе (бесполезны)» и ставятся «для какой-то другой»... «проблемы», «содействуют разрешению некоторых»... «проблем, ибо многое мы хотим знать не ради самого предмета, а ради иного, дабы через него узнать что-нибудь другое»³². Ясно, что первые три типа вопросов относятся к вспомогательным, и Стагириту хорошо известно, что они в принципе элиминируемы. Например, если или заведомо ясно, или заблаговременно уточнено, что говорят «о благе в таком-то и таком-то значении», то, разумеется, будет неуместным спросить, «в скольких значениях говорят о благе»; но допустим, что в ходе диалектической беседы возникла ситуация, когда и ясности нет и подходящее уточнение не сделано; «вот тогда, конечно, справедливо требовать» ...«ответа на вопрос, в скольких значениях говорится о благе»³³.

Чтобы состоялась диалектическая беседа, помимо всего прочего, необходимо, во-первых, найти проблему диалектическую; во-вторых, располагать приемами, пригодными для доказательства того, что некоторая проблема эротетически следует из данной, то есть располагать способом сопоставления некоторого конечного множества проблем, упорядоченного отношением эротетического следования, главной проблеме беседы и, значит, способом построения диалога из поддиалогов; в-третьих, располагать подходящими дефиниторными и экспликаторными средствами, увязанными к тому же с разделением понятий на категории и предикабилии. За выполнение этих требований ответственны четыре органа — средства, «при помощи которых мы строим умозаключения (силлогизмы)»³⁴. В органах сосредоточены именно те особые способы убеждения, которые резко отличаются от аналитических способов убеждения и которые предназначены для обсуждения альтернативных вопросов, то есть диалектических проблем, для отыскания правдоподобного, для доказательства противоположного и, значит, для ведения диалектических бесед, диалогических обсуждений. Это как раз те способы убеждения, которые специфицируются Стагиритом как диалектические: «диалектический силлогизм»³⁵, «диалектический силлогизм о сути»³⁶, «диалектический метод силлогизмов»³⁷, «диалектическое доказательство»³⁸. Органы, стало быть, образуют особый аппарат диалектического искусства, специфичное орудие диалогики и, бесспорно, составляют второй из основных компонентов любого поддиалога.

Кроме проблем, к внешней ткани платоновских диалогов относятся также и ответы на них. Поскольку дефиниционные и пояснительные вопросы элиминируемы, платоновский диалог можно мыслить как

совокупность ответов на обсуждаемые в нем диалектические проблемы, в том числе и на главные проблемы всех его поддиалогов. Эта совокупность упорядочена отношением дедуктивного следования, но вместе с тем некоторые из ее подсовокупностей упорядочены отношением индуктивного следования. При этом эти два порядка сосуществуют, не задевая друг друга. Набор правил дедуктивного и индуктивного выводов составляет третий из основных компонентов любого поддиалога.

Обсуждаемая в диалектической беседе «диалектическая проблема есть задача, поставленная»... «ради (достижения) истины и ради познания»³⁹. У собеседников имеется одна общая конечная цель — постижение истины, и, стало быть, они стоят перед задачей, которая требует от обоих собеседников особого прилежания и исследовательской честности, «ибо не во власти одной только стороны надлежащим образом доводить до конца общее дело»⁴⁰. «А так как плохой сотоварищ тот, кто мешает общему делу, то ясно, что так же бывает и при приведении доводов, ибо в них обсуждаемое есть нечто общее, разве только в словесных состязаниях (это не так). В последнем случае обе стороны не могут достичь одной и той же цели, ведь больше одного победителя быть не может. Безразлично, однако, получается ли такое из-за ответов или из-за вопросов. Ибо тот, кто спрашивает эристически, так же плохо рассуждает, как и тот, кто, отвечая, не соглашается с очевидным и не отвечает на то, что хочет узнать вопрошающий»⁴¹. Тем самым они «делают беседы не диалектическими, а имеющими целью спор ради спора»⁴².

Но каковы правила ведения диалектических бесед, правила диалогических игр в вопросы и ответы? Каких стратегий должны придерживаться вопрошающий (вывеждающий) и отвечающий в этой игре? «Что касается диалектических бесед, в которых рассуждают не ради спора, а ради приобретения навыка или исследования (истины), то еще никто не разобрал, к чему должен стремиться в них отвечающий, с чем соглашаться и с чем не соглашаться для того, чтобы надлежащим или ненадлежащим образом защищать тезис»; «так как, стало быть, у нас нет для них», а именно «для тех, которые беседуют друг с другом ради исследования (истины)», правил, «оставленных нам предшественниками, то мы должны попытаться сказать кое-что сами»⁴³. Установив, что несимметричность ролей собеседников влечет за собой противоположность их стратегий, Аристотель приступает (в книге VIII «Топики») к подробному описанию тех свойств стратегий вопрошающего и отвечающего, которые общие для всех диалектических бесед, для всех (возможных) платоновских диалогов. Что касается специализации стратегий собеседников по особым классам платоновских диалогов, то ею Аристотель занят в книгах II—VII «Топики». Стратегии вопрошающего и отвечающего составляют четвертый и пятый из основных компонентов любого поддиалога.

Мы, следовательно, можем считать установленным, что, согласно «Топике», каждый поддиалог любого диалога, в котором воплощено диалогическое обсуждение какой-либо диалектической проблемы, то есть любого платоновского диалога, состоит из пяти основных компонентов: главной проблемы, четырех органов, набора правил дедуктивного и индуктивного выводов, стратегии вопрошающего и стратегии отвечающего.

Анализ топа. Спрашивается, какое отношение имеет вышесказанное к топике как некоторой дисциплине, а именно как учению о топах? Учение о топах изложено в книгах II—VII «Топики». В них разобраны триста топов с лишком, что, по всей видимости, и дало повод Т. Котарбиньскому высказать такое мнение: ««Топика» представляет собой, со-

ственно говоря, как бы склад таких вспомогательных средств (аргументации.— З. М.), которые должен иметь под рукой участник дискуссии»⁴⁴. Это утверждение, несомненно, содержит долю правды, так же как и предложенные разными авторами толкования топа как «общего места», «точки зрения», «проблемы», «темы» или как «особого правила топического вывода». Однако в этих толкованиях, думается нам, упущено главное в аристотелевой концепции топа, если только все то, о чем мы говорили до сих пор, имеет какое-то отношение к «Топике» и, значит, к топам. Кроме того, все предложенные толкования топа неявно предполагают, что топ — это объект простой природы, что явно несовместимо со следующим свойством топа: «Топ есть то, что включает в себя много энтимем»⁴⁵, то есть много диалектических силлогизмов. Вместо теоретизирования о том, что должно подразумевать под топом, рассмотрим какой-либо из них, например, следующий:

«Если положено привходящее, которому нечто противоположно, то надо выяснить, доступно ли (вещи) и противоположное (привходящему), так же как и само привходящее. Ведь противоположности доступны одному и тому же. Например, если бы сказали, что из гнева следует ненависть, то ненависть должна была бы находиться в страстной части души, ибо в ней находится гнев. Таким образом, надо выяснить, не находится ли в страстной части души и то, что противоположно (ненависти). Ибо если любовь находится не (в страстной), а в вожделеющей части души, то из гнева не может следовать ненависть. И точно так же, если бы сказали, что вожделеющая часть души имеет касательство к незнанию. Ибо ей тогда было бы доступно и знание, если только ей доступно незнание; однако не представляется верным, чтобы вожделеющей части души было доступно знание. Итак, этот топ полезен, как было сказано, для опровергающего. Тому же, кто утверждает, что привходящее присуще, этот топ не полезен, но тому, кто утверждает, что привходящее возможно присуще, он полезен. В самом деле, когда мы докажем, что противоположное (привходящему) недоступно (вещи), нами будет доказано, что привходящее не присуще и не может быть присуще. Если же мы докажем, что ей противоположное присуще или что оно ей доступно, то нами еще не будет доказано, что и привходящее присуще, а будет только доказано, что оно возможно присуще»⁴⁶.

Попытаемся установить, о чем, собственно говоря, идет речь в этом отрывке. Обратим сперва внимание на примеры. Их всего два:

(1) «Например, если бы сказали, что (1.1.) из гнева следует ненависть». «Таким образом, следует выяснить (1.2.), не находится ли в страстной части души то, что противоположно (ненависти)».

(2) «И точно так же, если бы сказали, что (2.1.) вожделеющая часть души имеет касательство к незнанию».

Нелегко сразу усмотреть, что они суть примеры чего-то одного и того же, нелегко даже после ознакомления с этим одним и тем же, с формулировкой чего и начинается наш отрывок.

(3) «Если (3.1.) положено привходящее, которому нечто противоположно, то надо выяснить (3.2.), доступно ли (вещи) и противоположное (привходящему), так же как и само привходящее».

Назовем на время предложение (3) матрицей. Очевидно, что косвенный вопрос (3.2.) матрицы имеет форму диалектической проблемы, а ее придаточное предложение (3.1.) выражает определенные предикабиллиальные и категориальные ограничения, накладываемые на проблему: проблема, мол, должна касаться пары противоположных привходящих какой-либо вещи (тут привходящее — предикабиллия, вещь — категория, а противоположность — постпредикамент). Очевидно также, что косвенный вопрос (1.2.) первого примера выражает определенную диалектическую проблему. Он отличается от косвенного вопроса (3.2.) мат-

рицы в двух пунктах. Во-первых, вхождение выражения вида «одно доступно другому» в (3.2.) заменено вхождением в (1.2.) выражения вида «одно находится в другом». В контексте всего отрывка «одно находится в другом» означает, однако, не что иное, как «одно потенциально находится в другом», что, со своей стороны, тождественно по смыслу с выражением «одно доступно другому». Так что подобная замена не может изменить смысл предложения. Во-вторых, вхождения терминов «привходящее» и «вещь» в (3.2.) заменены вхождениями в (1.2.) терминов «ненависть» и «страстная часть души» соответственно. Допуская вольность речи, можно сказать, что предикабилия привходящего и категория вещи заменены конкретным привходящим и конкретной вещью. Косвенный вопрос первого примера, стало быть, получается из косвенного вопроса матрицы посредством замены неопределенных терминов с данными областями (допустимых) значений на подходящие определенные термины — подходящие в том смысле, что определенный термин обозначает какой-либо элемент из области значений замененного им неопределенного термина, то есть обозначает какой-либо из его допустимых значений. Между тем ничто, конечно, не мешает нам делать иные допустимые замены, например, заменить те же термины «привходящее» и «вещь» соответственно на термины «любовь» и «вождедеющая часть души». В результате мы получим еще один пример косвенного вопроса матрицы. Любое предложение, подобное косвенному вопросу (3.2.) матрицы, принято называть высказывательной схемой, или схемой предложений (являющихся ее примерами). А поскольку косвенный вопрос первого (и, значит, любого) примера выражает некоторую диалектическую проблему, косвенный вопрос матрицы представляет собой проблемную схему определенных диалектических проблем.

Если теперь сопоставить придаточное предложение (1.1.) «из гнева следует ненависть» с придаточным предложением (3.1.) «положено привходящее, которому нечто противоположно», то снова выпирает несогласованность матрицы с примером. Кроме того, предложение (1.1.) и само по себе вызывает некоторое недоумение. В самом деле, пусть кому-то кажется, что ненависть противоположна гневу, и вместе с тем он утверждает, что из гнева следует ненависть. Как это понять? Стагирит подсаживает: ведь противоположности доступны одному и тому же; а потому, если гнев находится в страстной части души, то в ней должна находиться и ненависть. Так что высказывание «из гнева следует ненависть» в предположении, что ненависть противоположна гневу, означает то же самое, что высказывание «из того, что чему-то доступен гнев, следует, что ему доступна и ненависть». Предположение же, если его считают весьма правдоподобным, можно и не упомянуть, ибо «довод ясен и в том случае».., «если опускают весьма правдоподобные (посылки)»⁴⁷. Но в общем случае его следует явно выразить. И тогда первый пример предстанет в виде следующего высказывания: «Например, если бы сказали, что ненависть противоположна гневу и из гнева следует ненависть, то необходимо было бы выяснить, не доступно ли страстной части души то, что противоположно ненависти».

Отсутствие во втором примере аналога придаточного предложения (3.1.) матрицы легко можно объяснить, так как в нем за противоположное незнанию взято знание и искомым аналогом было бы предложение «если бы сказали, что незнание противоположно знанию». Но поскольку утверждаемое в нем более чем очевидно, его можно было опустить.

Что придаточное предложение (2.1.) второго примера должно означать примерно то же самое, что и предложение «вождедеющей части души доступно незнание», ясно из непосредственно следующего за ним предложения «ибо ей (вождедеющей части души.— З. М.) тогда было

бы доступно и знание, если только ей доступно незнание». Тем не менее придаточное предложение (2.1.) все же отличается от косвенного вопроса (3.2.) матрицы, поскольку оно не имеет форму вопроса. Допустимость такой модификации мы обсудим ниже, а пока примем ее на веру и будем считать, что рассматриваемое предложение должно иметь форму косвенного вопроса. Тогда второму примеру можно придать следующую форму: «Например, если бы сказали, что знание противоположно незнанию, то надо было бы выяснить, не доступно ли вождедеющей части души то, что противоположно незнанию».

Можно считать, следовательно, установленным, что, во-первых, матрица выражает проблемную схему определенных диалектических проблем и, во-вторых, оба примера суть формулировки конкретных диалектических проблем, реализующих матрицу.

Далее, из проблемной схемы «противоположно ли одно привходящее другому привходящему?», очевидно, эротетически следует проблемная схема «доступен ли некоторой вещи одно из этой пары привходящих, если только ей доступен другой?». В самом деле, ведь было сказано, что если одно из противоположных привходящих доступно некоторой вещи, то ей доступно и второе, или, говоря иначе, если одно доступно ей, а другое нет, то они не противоположны; так что из утвердительного ответа на любой пример первой схемы дедуктивно следует утвердительный ответ на соответствующий пример второй схемы. Вместе с тем ясно, что если проблемные схемы находятся в отношении эротетического следования, то в том же отношении будут находиться и конкретные проблемы, реализующие их. Например, коль скоро гнев, согласно психологии Платона, находится в страстной части души, из проблемы «противоположна ли ненависть гневу?» эротетически следует проблема «следует ли из гнева ненависть?», а из последней — эквивалентная ей проблема «не находится ли в страстной части души и то, что противоположно ненависти?». Или же, как в случае второго примера, из проблемы «доступно ли незнание вождедеющей части души?» эротетически следует проблема «доступно ли знание вождедеющей части души?». Стало быть, описываемый в нашем отрывке топ пользуется как услугами первого органа, так и услугами аналитики, так как установление эротетического следования между проблемами входит в компетенцию первого органа, а установление дедуктивного следования между ответами на проблемы — в компетенцию аналитики.

Обратим теперь внимание на такие стандартные словосочетания, как «надо выяснить», «если бы сказали», а также оценки-рекомендации: «этот топ»... «полезен для опровергающего», «тому же, кто утверждает»..., «этот топ не полезен». Спрашивается: кто такие те лица, которые выясняют, высказываются, опровергают, утверждают и к которым адресованы рекомендации? Ясно одно, а именно то, что все это нельзя отнести к одному лицу. Их по меньшей мере два: одно высказывает некоторое утверждение, а второе требует, чтобы предварительно выяснили определенные вопросы. Не трудно распознать в них участников диалектической беседы: вопрошающего и отвечающего. Если это предположение верно, то следует признать, что наш отрывок имеет прямое отношение к исследованию платоновских диалогов.

Далее, спрашивается, к какому этапу диалектического собеседования по ходу развертывания последнего должна быть отнесена фраза «например, если бы сказали»? Ясно, что она не относится к началу беседы, ибо диалог, как мы знаем, начинается не с формулировки какого-либо утверждения (в частности, не с утверждения, следующего за рассматриваемой фразой), а с формулировки определенной диалектической проблемы. Что касается утверждений, то они появляются в диалектических беседах в качестве ответов на проблемы. Так что утверждение, следующее за рассматриваемой фразой, есть ответ на некоторую диа-

лектическую проблему, легко восстанавливаемую по ответу. Так, соответствующие утверждения из двух примеров приведенного отрывка — это ответы на проблемы «следует ли из гнева ненависть?» и «имеет ли вожделеющая часть души касательство к незнанию?». При этом имеется в виду такая ситуация, возникшая в ходе беседы: проблема была поставлена вопрошающим, а ответ — один из членов противоречия — в качестве тезиса для дальнейшего обсуждения был выбран отвечающим; затем вопрошающий указал, что предварительно следует выяснить определенный вопрос, эротетически вытекающий из поставленной им проблемы. Так, в первом примере — это есть вопрос «не находится ли в страстной части души и то, что противоположно ненависти?», а во втором — вопрос «доступно ли вожделеющей части души незнание?». Так что выражение «если бы сказали» означает примерно «если бы сказал отвечающий» или более пространно — «если бы отвечающий в качестве ответа на проблему, выставленную вопрошающим, выбрал утверждение...». Отвечающий при этом старается обосновать это утверждение, а вопрошающий — опровергнуть. Вышеупомянутые рекомендации, стало быть, следует отнести к специальной части стратегий собеседников, учитывающей своеобразие обсуждаемой в данном диалоге проблемы.

Что касается вопроса о том, являются ли проблемы, приводимые в качестве примеров проблемной схемы, с формулировкой которой начинается наш отрывок, главными проблемами каких-либо возможных диалогов, то на него нельзя ответить однозначно. Выбор данной проблемы как главной зависит от того, сочтут ли собеседники ее настолько важной, что решат посвятить ей одной отдельную диалектическую беседу. Но она может встать также в ходе беседы в качестве эротетического следствия ее главной проблемы. Так, проблемы, почти совпадающие с проблемами из нашего отрывка, появляются в «Федре» и «Государстве» Платона как эротетические следствия других проблем: в «Федре» — как следствие проблемы бессмертия души⁴⁸, а в «Государстве» — проблемы добродетели⁴⁹ и проблемы сословного состава государства⁵⁰.

Теперь мы с уверенностью можем сказать, что наш отрывок, описывающий один из топов, содержит указания на все основные компоненты платоновского диалога.

Остается выяснить роль и значение проблемной схемы. Само собой разумеется, что проблемная схема не может быть компонентом поддиалога какого-либо платоновского диалога, ибо в нем обсуждается конкретная проблема. Для чего же тогда проблемные схемы понадобились Стагириту? Вспомним, как получается проблемная схема из конкретной проблемы. Для этого требуется заменить все вхождения конкретных терминов на вхождения подходящих неопределенных терминов. Возьмем теперь какой-либо платоновский диалог и подвергнем его такому процессу замен в отношении всех вхождений тех (не обязательно всех) конкретных терминов в его предложения, которые обозначают свойства обсуждаемого в нем предмета. Тогда проблемы обратятся в проблемные схемы, ответы — в высказывательные схемы, а доказательства и опровержения — в схемы доказательств и опровержений. И в результате мы получим нечто такое, что естественно было бы назвать схемой диалогов, коль скоро оно представляет неограниченное число возможных конкретных диалогов, которые получаются из него обратной процедурой замены неопределенных терминов на подходящие конкретные термины. Не трудно видеть, что конкретные диалоги, подпадающие под данную схему диалогов, методологически неразличимы: с методологической точки зрения особенности, которые отличают их друг от друга, несущественны.

То же самое можно сказать и о событиях и обстоятельствах, составляющих ту культурно-историческую среду, ту духовную атмосферу, в

которой протекает данная диалектическая беседа и которая ставит определенную метку на познания и мировоззрения собеседующих. Реальными подобного рода (исторически или систематически, быть может, даже очень важными) следует пренебречь при методологическом изучении платоновских диалогов. В частности, следует отвлечься от различий, наличествующих в диалогах, которые имеют одну и ту же главную проблему, но различные совокупности ответов на проблемы и потому — различные исходы, к которым приходят собеседники. Наконец, любой диалог, который получается из данного диалога посредством произвольной перестановки обсуждаемых в нем элементарных проблем и тем самым перестановки составляющих его элементарных диалогов, при условии, что перестановка сохраняет смысловую структуру данного диалога, смысловые отношения между его элементарными диалогами, методологически тождествен данному. Нечто экстрагированное из данного поддиалога и инвариантное относительно процессов схематизации, осмысленной перестановки и дереализации будет, очевидно, состоять, за исключением главной проблемы, в точности из тех элементов, которые были определены выше как основные компоненты любых поддиалогов; главная же проблема будет представлена в этом методологическом экстракте проблемной схемой. Каждому такому пятикомпонентному экстракту отвечает определенный класс конкретных поддиалогов, методологически неотличимых от поддиалога, из которого извлечен этот экстракт. Назовем каждый такой пятикомпонентный методологический экстракт поддиалогическим экстрактом. Они обладают следующими двумя свойствами: во-первых, поддиалоги, отличающиеся друг от друга по меньшей мере одним методологически существенным признаком, относятся к разным поддиалогическим экстрактам и, во-вторых, все методологически неразличимые поддиалоги относятся к одному и тому же поддиалогическому экстракту. Подобно тому, как сам поддиалог является функциональной единицей диалогического бытия, диалогической жизни творческой мысли, устремленной к началам сущего и знания, понятие поддиалогического экстракта, в котором схвачена суть поддиалога как функциональной единицы, является методологемой (методологической единицей) методологии платоновской диалогии. Было бы удивительно, если бы изобретатель этой методологии не оперировал этим основным понятием. И вот, если мы попытаемся описать поддиалогический экстракт, извлеченный из поддиалога, главная проблема которого подпадает под проблемную схему (З) нашего отрывка, то у нас получится примерно то же самое, что и у Аристотеля, то есть то, что изложено в этом отрывке. Изложен же в нем, как мы знаем, один из топов. Топ и есть, стало быть, поддиалогический экстракт, найденный Стагириотом ключ к платоновским диалогам, к диалогическим рассуждениям, к диалектическим беседам, распознанная им методологематическая методологии «(познания) первых (начал) всякой науки», методологематическая «учения о методе исследования, прокладывающем путь к началам всех учений».

Хотелось бы особо отметить, что методологически фундаментальная процедура схематизации (то есть некоторого рода обобщения), делающая возможным экстрагирование топов из поддиалогов, введена не нами ради правильного понимания «Топки» и топа, а изобретена самим Аристотелем. Чтобы удостовериться в этом, достаточно сопоставить следующие места из книги III «Топки»:

«Например, когда мы утверждаем, что одно хорошо от природы, а другое не от природы.

«Некоторые из указанных топов можно сделать более общими, если не-

Ведь ясно, что то, что хорошо от природы, предпочтительно»⁵¹.

сколько изменить выражение: например, то, что таково от природы, таково в большей мере, чем то, что таково не от природы»⁵².

И еще одно замечание: при формулировке отдельных топов Аристотель порой ограничивается указанием на его первый компонент — главную проблемную схему. Объясняется это тем, что, во-первых, варьирование органов и стратегий от топа к топу сравнительно незначительно, и, во-вторых, данный набор надлежащих правил вывода общу целого класса топов.

Основные результаты топики как учения о топах. Путем описательного анализа платоновских диалогов Аристотель установил, во-первых, что они предназначены главным образом для поиска определений известных ценностей методом исследования, прокладывающим путь к их началам, и, во-вторых, что все они наделены одной и той же пятикомпонентной структурой. Приняв поддиалоги в качестве функциональных единиц диалогических рассуждений, реализованных в платоновских диалогах, и применив к ним изобретенную им процедуру схематизации, Аристотель экстрагирует из них топы, выделяя тем самым из необозримого множества поддиалогов основные типы таких — строительные блоки платоновских диалогов (как осуществленных, так и могущих осуществиться), и объявляет топы методологическими единицами учения о платоновских диалогах. Далее путем анализа топов Аристотель определяет, во-первых, класс проблем, подлежащих диалогическому обсуждению, — класс диалектических проблем, и, во-вторых, — совокупность особых способов убеждения — диалектических способов убеждения, применяемых для отыскивания правдоподобного, отправляясь от правдоподобного, в частности, применяемых в задачах на поиск начал. Наконец, опираясь на знаменитые учения о предикабиях и категориях, а также о постпредикаментах, Стагирит строит глубоко продуманную классификацию топов, группируя топы сперва по предикабиям, а затем в пределах каждой предикабии — по категориям, постпредикаментам и особенностям используемых в топах правил вывода и стратегий собеседников: «Топика» отнюдь не склад топов; к тому же теоретически вполне допустимо существование платоновского диалога, в котором использованы все без исключения топы, ибо они совместимы друг с другом.

Все это, вместе взятое, и составляет основу методологии диалогических рассуждений, нацеленных на отыскивание пачал всего сущего и всех учений. Методологию наряду с логикой следует бесспорно считать изобретением Аристотеля.

* * *

Путем текстуальных сопоставлений платоновских диалогов с «Топикой», проводимых с исключительной скрупулезностью, историкам логики удалось установить чрезвычайно впечатляющий факт совпадений терминов, фраз, тем... Основываясь на этих исследованиях, они как будто естественно полагают, что «Топика» была сочинена в основном в годы пребывания Аристотеля в платоновской Академии и под явным влиянием воззрений Платона. С другой стороны, отмечалось наличие в «Топике» чего-то подлинно аристотелевского, хотя и не поддающегося точному определению. Кроме того, основываясь на тех же исследованиях, историки логики довольно резко противопоставляют «Топику», как пройденный этап в эволюции логических представлений Аристотеля «Аналитике», как истинному творению аристотелевского духа и вершине этой эволюции.

Стагирит без труда смог бы парировать эти доводы. Во-первых, поскольку в «Тописке» изучаются диалоги Платона как образцы диалогических рассуждений, то нет ничего удивительного в том, что она изобилует платоновской терминологией, фразеологией и тематикой, и вряд ли следовало только на этом основании говорить о влиянии Платона на Аристотеля. Во-вторых, поскольку «Тописка» наряду со «Второй аналитикой» есть методологическое исследование с особым предметом и специфичными методами, то нет никакого основания рассматривать «Тописку» как пройденный этап в эволюции логических представлений Стагирита. Наконец, что касается вопроса о подлинно аристотелевском в «Тописке», нам нетрудно будет ответить на него: это подлинно аристотелевское заключается в методологической направленности мысли в этом произведении, принципиально отличающейся от вещной (объективной) направленности мысли в диалогах Платона.

ЛИТЕРАТУРА

Ссылки на первые два тома Сочинений Аристотеля (т. 1, М., 1975, и т. 2, М., 1978) делаются путем сокращений, состоящих из указаний либо на название трактата и страницу (в случае первого тома), либо только на страницу (в случае второго тома).¹ 274; ² 259—261; ³ 344; ⁴ Никомахова Этика, кн. VI. «Этика Аристотеля». Спб. 1908; Метафизика, 310, 316; О Душе, 433—436; Органон, 261—262, 299, 312, 314, 327, 346; ⁵ 312; ⁶ 651; ⁷ 318; ⁸ 346; ⁹ 360; ¹⁰ «Риторика Аристотеля». Спб., 1894, стр. 11; ¹¹ Риторика, стр. 4; ¹² 268; ¹³ Риторика, стр. 5; ¹⁴ 327; ¹⁵ Никомахова Этика, стр. 5; ¹⁶ Платон. Кратил. Соч., т. 1, М., 1968, стр. 425; ¹⁷ 556; ¹⁸ 351; ¹⁹ 516; ²⁰ 361; ²¹ 376; ²² 375; ²³ 364; ²⁴ 375; ²⁵ 364; ²⁶ 376; ²⁷ 513; ²⁸ 375—376; ²⁹ 376; ³⁰ 376; ³¹ 360; ³² 360; ³³ 513; ³⁴ 362; ³⁵ 182; ³⁶ 325; ³⁷ Риторика, стр. 13; ³⁸ 298; Риторика, стр. 2, 4, 5; ³⁹ 360; ⁴⁰ 522; ⁴¹ 523; ⁴² 522; ⁴³ 516; ⁴⁴ Т. Котарбиньский. Избр. произв., М., 1963, стр. 392; ⁴⁵ Риторика, стр. 148; ⁴⁶ 386; ⁴⁷ 526; ⁴⁸ Платон. Федр. Соч. т. 2. М., стр. 180—182, 189—190; ⁴⁹ Платон. Государство. Соч., т. 3(1). М., стр. 217—239; ⁵⁰ Там же, стр. 403—407; ⁵¹ 403; ⁵² 403.